

ВЫСШАЯ НАГРАДА – ЭТО ЖИЗНЬ

Чуть больше месяца осталось до дня Победы в Великой Отечественной войне. К сожалению, не все ветераны дожили до 55-летнего юбилея. Как бы пафосно и банально не звучала эта фраза, но мы, молодое поколение, в неоплатном долгу перед ними. Поэтому, воздавая дань героическому прошлому тех, кто ценою здоровья, а порой и жизни, отстоял в те суровые годы страну, начиная с этого выпуска и до 9 мая, в рубрике "Лица" мы будем рассказывать о ветеранах войны, живущих в нашем городе.

Константин Николаевич ТЫЩЕНКО –
удивительный рассказчик. У него

великолепная память, которая хранит в своих тайниках буквально все, начиная от фамилий боевых друзей, командиров, дат до названий населенных пунктов, даже маленьких хуторов, куда его забрасывала фронтовая судьба. Сейчас Константин Николаевич пишет воспоминания, посвящая их тем, с кем делил последний сухарь и патрон, жизнь и смерть, горечь отступлений, утрату друзей и радость побед. Может, когда-нибудь они увидят свет. А пока мы сидим в кабинете редакции, и он рассказывает о своей жизни, вмещающей в себя невероятное количество неординарных событий, начиная с самого рождения.

Роды на скаку

Появился он на свет, можно сказать, в экстремальных условиях. Будучи на девятом месяце беременности, поехала мать в гости к родным из Томска в Мариинск, где жил дед Сергей Сергеевич Тыщенко и держал случный пункт при конном заводе (единственном в то время в Сибири). Решила она покататься на молодом жеребце Килограмме. Ускакала, а вернулась уже с младенцем.

- Когда возвращалась через железнодорожный переезд, машинист проходящего паровоза решил пошутить и просигналил. Естественно, Килограмм понес, а дорога была бульжная. Вот меня и вытрясла... Спасло то, что вывалился я на полог (рессорный беговой пролет на двух колесах).

"Дезертирство"

Хоть и родился он в Мариинске при необычных обстоятельствах, родиной своей считает Томск, где вырос и учился, а потом и работал. После окончания Томского электротехнического техникума в 1942-м поступил на работу мастером цеха на эвакуированный из Москвы завод, где выпускали бинокли, теодолиты, танковые прицелы, артиллерийские панорамы. Сам еще пацан, а в подчинении у него были наладчики 13-14 лет и 99% работников - женщины.

"Работать с женщинами – это ад кромешный", – смеется Константин Николаевич. Они его, оказывается, и вынудили "дезертировать" на фронт.

– Пришла тогда повестка токаря Файткулину. Он тут же в патрон заворачивает гайку, накручивает на указательный палец наждачную бумагу, врубает большие обороты и толкает туда палец – двух фаланг как не бывало. Быстро беру резинку, стираю его фамилию, вписываю свою и через два часа я уже солдат Сталина. Директор завода, генерал Лебедев, в военкомате кричит на меня: "Дезертир трудового фронта!" А потом все-таки дал нам, заводским ребятам, уходящим на фронт, 20 литров спирта на дорогу, а мама – огромную кастрюлю голубцов..."

Рядовым Константин Тыщенко прослужил всего 14 дней. Сказались знания топографии, полученные в техникуме. Правда, в первые же дни занятий за всезнайство и провокационные вопросы старшему по званию схлопотал трое суток ареста. Спас комбат Шевченко, взяв шустрого солдата в свою группу. Так Константин Тыщенко стал наводчиком, затем командиром орудия. Первое боевое крещение прошел зимой 1942 года в боях под Сталинградом, куда прибыл с пополнением молодых необстрелянных солдат из Сибири. Среди друзей-фронтовиков слыл отчаянным и бесстрашным парнем. Прошел от Волги до Дона и Днепра, освобождал Донбасс, Харьков, Запорожье, Херсон, Крым и легендарный Севастополь...

Смерть зенитчиц

– Перед нами лежал истерзанный, сожженный, разрушенный Севастополь. У солдат в глазах стояли слезы при виде такого жалкого зрелища. Мы видели, как фашисты у причальных стенок поспешно грузятся на катера, пытаются уйти в открытое море. Наша задача – не дать им уйти. Толя Ишанов метким выстрелом потопил первый катер, потом еще пять. Немцы по пирсу мечутся в панике. В окне купола большого собора, что стоит на высоте за Графской пристанью, замечаю окуляры стереотрубы, и не одной. По радиации передали, что это командный пункт командующего 17-й немецкой армии Альмендингера, который приказал оборонять Севастопольский плацдарм до последнего солдата. Такова воля бесноватого фюрера. Васе Светличному подаю команду зарядить осколочно-фугасным и в перекрестие ловлю солнечные блики стереотруб, нажимаю на спуск и тут же вижу разрыв в окне купола собора, затем еще выпускаю

десять снарядов по куполу. Радости нет предела. Но, похоже, рано радовался. Авиаторы со станции наведения и радиоперехвата машут рукой и что-то показывают. Затем один из них подбегает и кричит: "Натворил дел. разворотил осиное гнездо, на тебя вызвали "Фоке-Вульф-190". Уводи людей, технику в укрытие". Вовек не забуду эту услугу. Быстро меняем позицию, прячем людей в большой грот, а пушки - в тень громадного валуна-скалы, и забрасываем кустарником. Чуть позади нас остановился расчет зенитного орудия, где девушки-зенитчицы привели орудие к бою. Двое из них подошли к нам, мы их угощаем борщом, а трое других дежурят у орудия. Наша МЗА накрывает "фоку-190" прямым попаданием, но тот, не сворачивая, врезается в зенитное орудие и взрывается вместе с бомбовым грузом, который был предназначен для нас. От девчат у зенитного орудия не осталось и следа.

НОВЫЙ ГОД

После освобождения Крыма Константин Николаевич с июля 1944 года в составе Краснознаменной 87-й гвардейской дивизии участвует в боях за освобождение Витебска, Бобруйска, Вильнюса, Риги, Каунаса и в октябре в числе первых вступает в Восточную Пруссию. А ночь накануне нового 1945 года чуть не стала в его жизни последней.

- Решил проверить, как солдат Децик нас и батарею охраняет. Только вышел из блиндажа, прошел несколько метров по траншее к орудию, как вдруг на меня кто-то прыгнул. Сразу понял - немецкая разведка. Сработала реакция самозащиты. Мгновенно убираю голову вниз, как страус между колен, колени раздвигаю и "заклиниваюсь" в траншее. Четверо немцев пытаются вытащить меня, бьют прикладами автоматов по горбу и ягодицам. Один из них заходит со стороны моей головы и пытается приподнять, навалившись на меня животом. Я использую этот момент, достаю финку, наношу удар снизу и распарываю фрицу брюхо. Немцы посчитали, что его зацепило шальной пулей со своей стороны. Трое других пытаются стащить его с меня, а я его держу на себе - тяну время. Чувствую, что вот-вот на батарее появится старшина Мельников с новогодним ужином и с ним семь человек - повара, ездовые повозок. Понимаю, немцам нужен живой "язык", да еще командир (это они определили по ремню). Мельников, подходя к позициям батареи, еще издали заметил немцев. Оставив термосы под бугром, подполз со своей группой к траншее и навалился на

немцев. Бой был коротким, всех троих порезали, но оставили в живых, доставив как "языков" в штаб дивизии.

А наутро их направили под Гумбинен, в районе реки Инстер, где 13 января вместе со всей 2-й гвардейской армией в составе 3-го Белорусского фронта нанесли мощный удар врагу. Меньше месяца потребовалось им, чтобы разбить группировки врага, а 200 тысяч немецких войск замкнуть в кольцо в Кенигсберге.

Штурм Кенигсберга

Сейчас историки по-новому пытаются все переосмыслить и о боях под Кенигсбергом пишут много, в том числе и о том, что там применяли психическую атаку. Константин Николаевич, как участник этого исторического сражения, категорически не согласен с таким мнением. Он считает, что в конце войны наши солдаты были настолько тренированы, что уже не требовалось бессмысленного героизма.

- К штурму очень тщательно готовились. Каждый день - учения. 4 апреля вышли на исходные позиции, а 6 апреля начался штурм. Мы оседлали форт "Линдорф", в ночь с 6 на 7 заставили его капитулировать. Затем вели бои за Вальгартен (это пригород Кенигсберга) и Мелианау (почти центр района), а 9 апреля соединились с 11-й армией Галицкого.

По значимости это такое же сражение, что и штурм Берлина. Причем Кенигсберг - стратегическая столица Восточной Пруссии - был укреплен даже лучше. Там еще в прошлом веке строились фортификационные сооружения. Немцы затаились в бетонных казематах форта, опоясанного рвом 30-метровой ширины и 4-метровой глубины, наполненном водой, из амбразур торчали стволы орудий и тяжелых пулеметов. Брать приходилось три линии укрепления, помимо земляных. На километр фронта было 300 стволов орудий. Там ничего живого не оставалось. Помогала авиация. Три или четыре воздушные армии бомбили Кенигсберг. Воздух окрасился в коричнево-красные оттенки. Дышать было трудно. Можно говорить о психической атаке, но немцы контратаки отбивали отчаянно. 9 апреля мы загнали 40 тысяч немцев в склепы на северном кладбище. Вечером они начали сдаваться. А 10 апреля полностью капитулировали. Правда, некоторые пытались прорваться. Наш пулеметчик Юрий Костиков сразил человек 500, но его немцы все-таки

забросали гранатами. В этом бою погибло всего 1200 наших воинов. На шесть армий (50-ю, 43-ю, 11-ю, 39-ю, 51-ю и 2-ю гвардейскую), если учитывать, что только в одной армии 30 тысяч человек, потери не так велики. На войне потери неизбежны.

Между жизнью и смертью

Когда перед Каргау мы отступали, в роще застряли пушки. Вытащив их, отошли было на 3 км, чтобы нас не окружили (мы тогда одной дивизией держали оборону против трех немецких на два фронта, то есть внешнее кольцо и внутреннее). Тут вспомнил, что комсорт полка (его ранило) мне оставил свою планшетку с комсомольскими билетами (я был еще и комсоргом дивизиона). Вернулся. На шее пулемет Дектярева - мой верный спутник, с которым я никогда не расставался. Забрав планшетку, выхожу и вижу: вдоль роши три немецких мотоцикла двигаются - в каждом по три фашиста. Спрятался за огромную сосну, уже вытащил было "лимонку", чтобы подорвать себя (все-таки комиссар, 150 бланков комсомольских билетов). Пропускаю первый, второй мотоцикл, а когда третий прошел мимо меня, "лимонку" в карман, направляю "Дектярев" и половину диска выпускаю им вслед. Один мотоцикл в кювет свалился. Подскакиваю, скидываю немца, сажусь за руль, газую и вылетаю на дорогу. И тут на меня полетели снаряды и слева, и справа. Это пятая батарея развернулась и стреляет, приняв меня за немца. Хорошо, командир Мажитов, увидел меня в бинокль, и дал команду прекратить огонь. Вот так, уйдя от немцев, чуть не напоролся на пули своих. Мажитов потом сказал мне: "Ты в рубашке родился, если бы я тебя не увидел, то четвертый снаряд точно был бы твой".

О генералах и ППЖ

На войне было все. И боевые генералы, и боевые солдаты. Были и штабисты, которые проявляли "героизм" по-своему.

- Однажды, когда мы стояли на огневой позиции, прикрывая фланг дивизии, нас нагнал на "виллисе" генерал-полковник Белозеров и с ходу, не разобравшись, заорал: "А, драпаете! Расстрелять!" Капитан-адъютант вытаскивает парабеллум и наставляет на меня. Тут морячок Вася Светличный хватает автомат, дает очередь - у генерала папаха кверху подлетела. Адъютант задрожал, потому что и ему досталось по шапке. Но меня спасло то, что в это

время немцы из мелкокалиберной пушки стали наносить огонь по "виллису" (у них пять автоматчиков было – все равно бы они нас побили). Генерал вмиг оказался поперек "виллиса", причиндалы – рядом с ним, и они удрали. А мы кинулись к своей пушке и эту их мелкокалиберную пушку разбили. Генерал больше не возвращался. Встреча с еще одним генералом запомнилась Константину Николаевичу. Хотя о ней он рассказывает менее охотно, не считая боевой.

– Под Фольварком Брух двоих в батарее убило, а троих ранило. Пушку мою разбили и ее нужно было отремонтировать. Комбат приказал мне дождаться парковой батареи, похоронить убитых, а раненых сдать. Вдруг заскакивает во двор женщина-капитан и приказывает: "Освободите помещение". Говорим ей: "У нас тут раненые лежат, убитые..." "Выбрасывайте!" Мы ее выгнали. Через какое-то время приезжает генерал-майор (оказывается, это была его так называемая "полевая" жена) и спрашивает: "Кто здесь старший?" А старший офицер боевого питания Степанов при виде генерала со страху под койку залез. Выхожу на крыльцо и говорю: "Я старший". Он разворачивается и мне в нос как даст. Мгновенно мои солдаты кинулись к нему, разоружили генерала и всю его свиту положили на пол. Боевые солдаты – не штабисты, это бесстрашные ребята, которые ничего не боятся. Тут приезжает начальник парковой батареи Колесников, этого генерала связывают как бревно и в машине в штаб корпуса отправляют. Там начальник штаба с него погоны сорвал. Говорят, только в конце войны ему вернули звание.

Артиллерийская дуэль

Это за нее он получил орден Красного Знамени, хотя представлен был даже к званию Героя Советского Союза. Но, видимо, передумали. Да Константин Николаевич об этом и не жалеет, потому что до сих пор считает, что высшая награда – это жизнь.

– Это было под Кенигсбергом, когда мы штурмовали форт "Линдорф". Передо мной стояла задача, как внезапно подавить 12 вражеских орудий, расположившихся напротив в окопах, где сверху нависали огромные старинные вязы, крона которых чуть ли не закрывала их сверху. Мы были почти в мертвой зоне и стрелять по ним было очень трудно. Я принял решение бить по кроне, и снаряды наши разрывались над головами и пушками немцев. И осколками побили всех. Потребовалось чуть больше минуты, чтобы

уничтожить 12 орудий противника и открыть свободный путь вперед нашей танковой бригаде. Этот эпизод говорит о том, что в бою сражались не только отвага советского солдата, но и конструкторская мысль, которая вооружила нас скорострельной пушкой ЗИС-3, выпускающей за одну минуту 31 снаряд.

* * *

Войну закончил старшина Тыщенко в Пилау. Под занавес войны чуть было не схлопотал 5 суток ареста от командующего Балтийским флотом, потому что потопил корабль.

- Наши пушки стояли на дамбе, охраняя Балтийское побережье. Вижу, идет сухогруз, а на палубе немцы гуляют. Сигнальщик-связист просигналил, чтобы те бросили якорь. Они не подчинились. Со штабом связи не было, чтобы доложить обстановку. Принял решение - остановить корабль. По три снаряда каждая пушка выпустила по нему. Он сел на мель. И вдруг из-за левого борта появляется наш катер - он, оказывается, конвоировал корабль. Поэтому немцы и не реагировали. Адмирал, когда узнал об этом, меня чуть не пристрелил. А командир корпуса, начальник гарнизона Лопатин, отменил приказ и за потопление корабля объявил благодарность за бдительность мне и наводчикам.

Мирное время

После войны Константин Николаевич закончил высшее артиллерийское танковое училище в Горьком, а потом по состоянию здоровья демобилизовался. Вернулся в Томск. Работал 1-м секретарем Кожевниковского райкома комсомола. В это время награждается орденом "Знак почета". Затем его переводят в Томский обком комсомола, а оттуда призывают в органы. Закончил Томский юридический университет. После учебы приехал в город, служил в учебном дивизионе заместителем командира по политической части. А в 1960 году демобилизовался и работал старшим инженером на НПО ПМ.

Сейчас главное хобби бывшего фронтовика - это сад. Привез в город тысячи саженцев таких сортов, как яблони феникс, шафран, крупную вишню субботинскую и максимовскую, сливы, абрикосы, облепиху чуйскую. До сих пор многие садоводы благодарят его за саженцы.

Приглашают его и в школы города, где он рассказывает детям о своем боевом прошлом. Вообще Константин Николаевич считает, что героическое прошлое советского солдата - это достояние истории.

- Но не одной госпоже Истории принадлежит духовное богатство. Оно принадлежит прежде всего молодому поколению, тем, кому предстоит защищать будущее России. Не дай Бог такой ценой, которой пришлось нам!

Ольга ЛОБЗИНА